

18+

Алексей Михеев

НЕ ЖМИ НА КНОПКИ!

Алексей Сергеевич Михеев

Не жми на кнопки!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33391885

ISBN 9785449084385

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Документ эпохи. Бывает так, что попытка становится пыткой. Роман о времени, когда жизнь вынуждает подростков задумываться о ее смысле и вечных ценностях, так как у взрослых не осталось на это ни времени, ни сил. Философские рассуждения оттеняют витражи из фантастики и натурализма. Главный герой должен выдержать испытание, выпавшее на его долю после встречи с неизведанным. Книга, написанная в 2009 году, не потеряла своей актуальности и в 2018-м. Текст представлен в улучшенной версии. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Part 1. Hands	5
Глава 1. The spark from the sky	5
Глава 2. Million miles away from home	12
Глава 3. The aliens' clenched fist	16
«Иудейский ответ»	21
Глава 4. No recess	25
«Человек с микрочипом в голове»	29
Глава 5. The righteousness	33
«Право слово!»	37
Глава 6. Two lovers	40
«Табуированная тема»	43
Глава 7. Day-dream	44
Глава 8. Rock'n'roll Doctor	51
«Зона Наслаждения»	55
Глава 9. Entering the Zoo	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Не жми на кнопки!

Алексей Сергеевич Михеев

© Алексей Сергеевич Михеев, 2020

ISBN 978-5-4490-8438-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Part 1. Hands

Глава 1. The spark from the sky

Квартира Марочкиных на севере Москвы, комната Филиппа Марочкина.

На книжной полке: Дуги Бримсон, Дмитрий Лекух, Энтони Берджесс, разные Мураками, Пушкин, Гоголь, Достоевский, etc; DVD-диски.

Текстовые файлы на жестком диске компьютера: Агата Кристи, Гилберт Честертон.

На письменном столе: множество журналов по бодибилдингу и компьютерным играм.

На тумбочке у кровати: «Это я – Эдичка» Лимонова, под ним – порно-журнал.

– Не жми на кнопки! – воскликнул длинноволосый шестнадцатилетний хозяин квартиры, начинающий качок Филя. На самом деле, он подразумевал просьбу не давить так сильно на кнопки джойстика, но из-за чрезмерного волнения сформулировал мысль иначе, чем вызвал приступ смеха у своих друзей – Вити Моисеева (молодого человека шестнадцати лет, в майке с названием альбома группы «Коррозия Металла» «1.966», с короткой «спортивной» стрижкой и слегка грустным выражением лица), Вали Валжано-

ва (шестнадцать лет, среднего роста; с контактными линзами на глазах, делавшими заметными красные прожилки; в майке с группой «Guns N» Roses» и со стрижкой «полубокс») и Семена Прыгалкина (крепкого пятнадцатилетнего подростка, выглядевшего заметно старше своих лет).

Четверо друзей собрались в новой Филиной квартире на «Речном вокзале» (куда он переехал с Лихачевки – района, где до того жили все они) и, ни о чем не заморачиваясь, так как было воскресенье, играли в компьютерный эмулятор «дендевской» «Battletoads» «по этапу и по жизни» (тюремно-лагерные аллюзии неуместны), как они это называли. Осуществлялось это так: как только кто-нибудь «тратил жизнь» или двое (играли по двое одновременно) проходили этап, их сменяли ожидающие своей очереди. Таким макаром они уже добрались до «Лабиринта», когда у Вити внезапно разболелась голова, и он покинул друзей, решив немного прогуляться по округе.

Виновата была не столько возникшая головная боль, сколько одна личностная особенность Витька, которая заключалась в том, что у него иногда совершенно неожиданно возникала потребность в одиночестве. В данный момент в его поисках он направлялся к близлежащему парку. К обычному небольшому московскому парку из тех, что расположены по окраинам города.

«Забавно устроен разум человека. В играх на „Денди“, которые используют английский для общения с геймерами, всё

ясно более или менее. А вот игрухи на китайском, сюжет которых частенько никому не понятен, привлекают чуть ли не сильнее, так как стимулируют фантазию».

Дело было в начале осени. Погода в эти дни предпочитала поражать москвичей своим непостоянством: преимущественно пасмурная, она вдруг дарила тепло своей улыбкой тем, кто не был, вернувшись из отпуска, с головой погружен в суетную беготню и толкотню мегаполиса и, следовательно, мог еще оценить ее красоту.

День был замечательный, и особенно радовал тот факт, что людей, кроме самого Витьки, вокруг видно не было. Как-то мгновенно и сама собой прошла головная боль.

Он любил городские парки, и этот не был исключением. Кучи палой листвы под ногами образовывали ковер в Храме Природы, с естественным блеском ослепляющей красоты которого не смогли бы конкурировать никакие узоры работы восточных мастеров в мечетях. И самым прекрасным в Естественном Храме было то, что в нем не было ни священников, ни паствы, ни жрецов... да вообще никого, кто мог бы возвыситься над другими в рамках культа Природы. «Как, вообще, можно не любить или не стремиться беречь природу? Красота и чудо Творения открыты напрямую нашему взору почти исключительно в ней!» – бродили мысли в ещё не затуманенной алкоголем, никотином и Борьбой За Самый Жирный Кусок Жизни голове.

Снимая на «мыльницу» окружающее его великолепие,

Витя вспомнил, как во время зимних каникул в прошлом году их класс ездил на автобусную экскурсию по Москве. В ходе экскурсии они посетили места культа распространенных религий: православную и католическую церкви, синагогу и мечеть. Причем, очень «политкорректный» экскурсовод, лишь только он оказывался с учениками наедине, указывал им на превосходство православия над всеми другими конфессиями. Витька уже тогда решил для себя, что религия как организованная извне вера – это то, с чем он будет бороться, когда вырастет, отстаивая в спорах свою точку зрения. Религия как флаг борьбы с коммунистической идеологией, полагал Моисеев, была очень удобна, но сейчас она не столь необходима – по крайней мере, быть адекватным вполне можно и без нее. Не говоря о том, что, чтобы добиться многого, нужно делать очень много, а религий, направленных прежде всего на активное взаимодействие не с миром духа, а с миром материи, не так уж много. Все организованные религии смешны еще и потому, что Бог не может обладать случайностью существования, которое подразумевается во всякой персонификации. Когда мулла в мечети, собравшийся прочитать им лекцию об исламе, велел всем встать на колени (пригрозив ничего не рассказывать в случае неповиновения), Витя был единственным, севшим по-турецки. Мулла тогда не заметил этого, или сделал вид, что не заметил.

Размышляя о религии, Витя задал самому себе вопрос,

который показался ему интересным: «Какой смысл люди вкладывают в выражение „Бог един“ или „Бог один“? Бог что – что-то вроде помидора, чтобы его по штукам считать? Будто весь вопрос в том, штучный ли нам товар предлагается, или сразу целый гарнитур... Бог, скорее всего, что-то такое, о чем нельзя говорить верно, ибо он находится где-то вне рамок осознания реальности...» Эту мысль он записал в свой дневник, который у него всегда был с собой.

На одном из стоящих вдоль парковых дорожек столбов еще зоркий несмотря на большое количество уделяемого компьютерным играм и книгам времени Витин глаз заметил объявление, озаглавленное так: «АНТИКАПИТАЛИЗМ-200». Последняя цифра осталась на куске листа, который был оторван, поэтому судить о датировке мероприятия было сложно: оставалось не вполне ясным, дело ли это прошлого или будущего. Под красными буквами напечатан портрет Че Гевары. «Что ж, в капитализме русской модели, как показало время, хорошего, откровенно говоря, не так уж много... А почему бы не проводить митинги и акции другой направленности, например, «АНТИРЕЛИГИЯ-200»? – думал Витька, ступая всё по тому же природно-храмовому ковру, который, помимо прочего, обладал таким достоинством по сравнению с шелковыми и прочими: по нему не жалко было ходить. И тут еще одна мысль посетила нашего героя. Он также не поленился записать ее в своем дневнике: «Если человек боится потерять что-либо, боится не абстрактно,

и трясется за вещь или что-либо другое, когда этому лицу, предмету или явлению ничего не угрожает, то это не настоящая вещь, она не стоит того, чтобы ее любить. И любовь подобная – не настоящая, это лишь иллюзия, основанная на привычке, похоти или праздности. Что-либо настоящее любят, но не боятся потерять глупым образом: Родину, родных, друзей, природу, Землю, огонь, воду, небо, звезды... Бога. А машина? картина на стенке? мобильный? Что ж, хочешь – трясись над ними, но лично я буду стараться, чтобы тепло моей души не растрчивалось на такие преходящие вещи». Тут же он вспомнил, как недавно разбил случайно медиа-плеер. Тогда он совершенно не переживал, а лишь радовался, что освободил свою душу, разбив ее оковы, поскольку начинал уже ощущать над собой власть вещи. Помимо этого он получил лишний довод в пользу того, что этот мир – иллюзия: когда он смотрел на микросхемы внутри разобранныго устройства, не мог поверить, что такие маленькие детали могут вмещать столько аудиовизуальной информации.

В раздумьях вертя свою авторучку тремя пальцами, Виктор устремил взор вверх, на небо. Если бы из его зрачка провели луч и продолжили его в Бесконечность, то еще в пределах нашей планетарной системы он уперся бы в один объект, роль которого в дальнейшем повествовании сложно переоценить.

Пессимист думает так: «На Марсе жизни нет. Чего там может быть хорошего?» Иначе рассуждает оптимист: «Раз

на Марсе нет жизни, то нет и смерти. А разве открытие того, что на Марсе нет смерти, не наполняет надеждой сердца и души страждущих?!» Реалист добавляет: «Ребята, посмотрите правде в глаза. Не Марсом единым жив чуждый организм! Пусть на Марсе жизни и нет, но есть ведь еще планеты!»

Глава 2. Million miles away from home

В Солнечной системе планет не так уж много. По одной концепции – больше, по другой – чуть меньше. А таких, на которых существует разумная жизнь, и того меньше. Вообще – одна, по любой концепции и по любым понятиям (вообще – по-любому). К таким выводам пришел Большой Анализатор Пространства космического корабля АХЗ-35 с планеты Крабантар, шедшего курсом Тирипизига – Пимиписи-га.

На взгляд землян, экипаж корабля более всего напоминал глаза, соединенные тонкими ниточками с подобиями полок, содержащими мозговое вещество и служащими искусственными черепными коробками. У каждой пары «глаз» имелись искусственные манипуляторы, изготавливаемые по договору планетой Бурьти (которую Крабантар впоследствии завоевал, воспользовавшись этими самыми манипуляторами). Тела инопланетян были поставлены на шасси, на которых они и перемещались по внутренним помещениям корабля.

Грузом корабля являлся – ни много ни мало – эликсир бессмертия. Корабль не сопровождался мощнейшими линкорами по той причине, что о его существовании не должен был знать никто, кроме нескольких максимально приближенных к Ляомидию (главе Крабантарской империи) лиц (глаз?).

В данный момент анализатор биопсихологический А.Б.-Х.З. переводил для собравшихся в кают-компании капитана Белитбелода, корабельного врача Раша (известного в той галактике специалиста, единственного в экипаже некоренного крабантарца, а также космоветеринара) и еще нескольких инопланетян, в том числе Эйманнда, Шумберда и Эхалохха, сообщение, которое было ими поймано, когда корабль пролетал неподалеку от третьей планеты от Солнца. Поймали они фантастический фильм, транслировавшийся спутником Земли: «Внимание! Это пираты! Сдавайтесь, на вас нацелены все стволы наших нейтринных и лучевых пушек!!!» Что еще оставалось делать беззащитным ученым, кроме как сдаться?

– Сегодня что, день глупых розыгрышей?! – воскликнул недоуменно капитан Белитбелод.

Корабельный врач Раш, которого капитан не хотел брать, но чью кандидатуру поддержал старик Сапигол, запаниковал и начал кричать:

– Чертовы пираты! Конец нам!

– Не паникуй! – попытался охладить его Белитбелод.

– Конец нам, говорю! Всем конец! – присутствовавшие с ужасом наблюдали, как доктор Раш, подпрыгнув на пружинистых конечностях, схватил из ниши под самым потолком припрятанный от ограниченных в движении крабантарцев прибор для самоуничтожения корабля (вместе с половиной галактики) – черный шарик с кроваво-алой кнопкой.

Раш, потерявший от паники рассудок, проорал, зажав аппарат в клешне:

– Не волнуйтесь! Если эти твари сунутся сюда, им ни за что не получить эликсира!

– Раш, мать твою за заднюю клешню и в левое верхнее брюшко (Раш был коренным жителем Планеты, У Которой Нет Названия (ПУКНН), поэтому проделать данную операцию с его матерью, в принципе, было бы возможно)! Отставить панику! Доктор Раш, не буянь, или я тебя быстро успокою!! – с этими словами Шумберд ударил члена команды по морде. Раш рефлекторно нажал кнопку. Этим действием он почти активировал процесс самоуничтожения. Чтобы теперь активировать его совсем, надо было всего лишь немного ослабить хватку, чуть разжав клешню.

Глаза переглянулись и со скорбью посмотрели в глаза друг другу. И у Белитбелода, и у Эйманнда, и у Эхалохха, и у Шумберда, и даже у Раша выступили слезы.

Все понимали, что стоит клешне дрогнуть, соскользнуть – и кнопка уничтожит полгалактики, да что там «полгалактики»! – их корабль!

– Раш, твою мать за обе задние клешни и в правую нижнюю челюсть! Ну ты и прадрайбайзерр!!!! ВАЛИМ ИЗ ЭТОЙ ГАЛАКТИКИ!!!!

После бурной полемики с использованием особо изощренных ругательств космоязыка, градус которых усилился с открытием того факта, что им угрожали не пираты, а обычное

видео, Шумберд предложил:

– Значит, так: телепортируемся на планету и отдаем кому-нибудь кнопку. Объясняем, *что* это за кнопка. Пусть он ее держит, пока что-нибудь не придумает, а мы тем временем смотаемся куда подальше.

Все согласились с этой идеей. Отвесив мысленного хорошего пинка Рашу (пока только мысленного – не дай Бог, отпустит!), капитан приказал экипажу приготовиться к посадке.

По общему мнению, нужно было пересадить клешню Раша какому-нибудь туземцу, объяснив тому вкратце ситуацию и посулив, например, бессмертие.

Капитан Белитбелод подошел с угрожающим видом к доктору, которого крепко держали другие члены команды. Капитан выудил из кармана мелеорезку, от одного вида которой Раш начал истошно вопить.

Удар мелеорезки отрубил клешню Раша. Белитбелод ловко перехватил ее, не позволяя разжаться.

Глава 3. The aliens' clenched fist

Некому, кроме Вити, было оценить летевшую в небе посудину, появившуюся из вспышки света, как обетованная фотографом птичка. Руки Моисеева, вдохновленные его же аналогией, потянулись к карману и нащупали цифровик. Показавшийся в облаках минуту назад летательный аппарат, совершив несколько кругов, начал стремительно спускаться и увеличиваться в размерах. Застыв в изумлении с отвисшей челюстью, но даже не думая о своем имидже, Витя ждал, когда его посетит осознание того, что он уже стал полноправным сумасшедшим, и можно вызывать «скорую». В то же время он автоматически начал съемку. Инопланетный корабль опустился совсем рядом с Витей. «И ведь никого рядом, чтобы хорошенько меня стукнуть!» – мелькнуло в голове подростка. Виктор был в шоке. Рушились все его представления о мире. Факт того, что ему выпал шанс стать человеком, общавшимся с представителями инопланетной цивилизации, вызвал у него недоверие к неумелой шутке автора сценария его пока столь краткой жизни. Но факт в лице уродливых существ в кибернетических прибабасах как в самых извращенских аниме был вещью поразительной упрямости! Витя так растерялся, что напрочь позабыл хотя бы из вежливости слегка приподнять отвисшую почти что до самой земли челюсть.

Белитбелод с зажатой манипулятором отпиленной Рашевой клешней подъехал к представителю местной фауны, идентифицированному как разумное существо, нажал клавишу активизации программы-переводчика и произнес:

– Цемаляниныя! Буга кукака каиркаипраминака броб панмакака и бубра пракапала бэ и папракапа пара Крабантар рар пажаапада двероко папроко! – затем послушал, какие смешные звуки прозвучали из колонок ПП:

– Землянин! Тебе несказанно повезло! Властью, которой я наделен пославшей меня планетой Крабантар, я заявляю, что мы даруем тебе эликсир бессмертия! Сожми кулак!

Правой рукой удерживая фотоаппарат, Витя машинально протянул левый кулак. Ступор – он и в Африке ступор.

Белитбелод тут же начал отдавать команды роботу-телепортатору: «герметизация!», «обмен конечностей!». Адская боль – только она одна оказалась способна вернуть чувство реальности. Витя сильно изменился в лице, но не выпустил фотик. «Мимикрия имплантированной органики!», «косметическая обработка, пластическая хирургия!», «парализующий состав!»

Парализующий состав, введенный в тело Виктора, был рассчитан на достаточно короткое время, по истечении которого пальцы молодого человека снова обрели бы гибкость. Но теперь большой и указательный пальцы не слушались хозяина, и ослабить хватку Виктор не смог бы, даже если бы сильно захотел.

– Друг, как хочешь, так и выпутывайся из этой истории! Но не отпускай чертову кнопку, иначе – всё, конец твоей Цем... Земле! Ты сможешь писать талантливо художественную литературу, так что свои плюсы в этой ситуации тоже есть! Придешь домой – убедишься! Не отпускай кнопку – и художественный талант не пропадет. Я тебе шприц оставлю – пользуйся им, когда парализатор будет отпускать.

Замолчав, вложив в правый передний карман джинс Моисеева полный шприц и дружески похлопав недвижимого парня по плечу, капитан Белитбелод и все остальные поспешно отошли под прикрытие корабля. Инопланетяне забрались на борт, Раш захлопнул крышку люка, и чудо внеземной технологии навсегда оторвалось от поверхности чуждой планеты.

Заняв свои места на мостике, члены группы расслабились. Раш с уважением посмотрел на капитана Белитбелода и промолвил в благоговении:

– Как вы прекрасно придумали про «писать литературу»! Теперь он не будет возражать!

Белитбелод обронил, не глядя на собеседника:

– Я и правда облучил его временным усилителем творческих способностей и художественной памяти.

На Земле тем временем Виктор тупо простоял некоторое время, глядя на свою руку, сжимающую то, что лучше бы ей сейчас не сжимать... Только тут он сообразил, что можно выключить съемку.

Спад активности сменился пиком, и Витя рванул по направлению к дому Филя.

Введя пальцами одной руки код подъезда, Виктор помчался к лифту. Через минуту Витя уже звонил в Филину дверь, а через три – объяснял ситуацию, иллюстрируя повествование записью инопланетных физиономий и, конечно, показывая шприц.

Филипп к тому времени был уже один. Явно не смонтированное видео и вид взволнованного как никогда прежде друга убедили его в искренности последнего, и он, достав бинты, помог замаскировать на какое-то время страшную кнопку. Филя накрепко забинтовал Витину кисть, чтобы та, не дай Бог, не разжалась. Моисеев немного успокоился и всё шутил: «Вот тебе и „не жми на кнопки!“»

Филя, впрочем, не видел во всем этом ничего смешного, однако его заинтересовали слова инопланетян о тех литературных способностях, которые должен был теперь проявить Виктор. Ему не терпелось испытать друга на деле.

Спустя какое-то время друзья больше всего поразились именно тому, с какой легкостью было воспринято ими прибытие инопланетных существ на Землю. Витя, будучи более начитанным в фантастике, видел в этом влияние телевидения и видеофильмов, интернета и видеоигр, проводящих неосознанную подготовку разума жителей Земли к контакту с удивительными явлениями. Поэтому видео с «чужими» оказалось тем *ultima ratio*, что убедило в правдивости Вити

всю компанию.

Итак, потрепавшись еще немного с Филей, посмотрев клип «Пантеры» и решив никому, кроме ближайших друзей, не говорить правды, маскируя ее переломом пальцев, Витя вскоре покинул жилище друга и поспешил к дому – проверить, какой из него после случившегося стал «Лукьяненко».

Квартира Моисеевых, комната Виктора.

На книжных полках: Жюль Верн, Владимир Сорокин, Виктор Пелевин; прочие авторы, среди которых преобладают писатели-фантасты и русские классики.

На жестком диске: автобиография Мэрилина Мэнсона, Константин Паустовский, Анна Ахматова.

На столе: Михаил Булгаков, Венедикт Ерофеев, Брюс Томас, Сергей Лукьяненко, курс физики для подготовительных отделений вузов (не по программе – просто из интереса).

К счастью, родители не раздули трагедии из пары «сло-манных» пальцев. Впрочем, мнение отца менее всего интересовало Виктора. Они практически не общались, чему была масса причин, о которых будет сказано в свое время. Для матери же такое состояние Вити не было чем-то из ряда вон выходящим, ведь он частенько оказывался участником всевозможных уличных потасовок. В Витином распоряжении оставались правая рука и три пальца на левой. Печатать так было очень непривычно, но постепенно Виктор приспособливался. Он открыл «вордовский» файл и вывел заголовок, как только определенный сюжет родился в голове:

«Иудейский ответ»

Стукнув по «т», он откинулся на спинку стула, прищурился, перевел дух и позволил своим пальцам дать жизнь следующему тексту:

««Жиды города Киева!» – так начинались в 1942-ом году в оккупированном Киеве обращения немецко-фашистского руководства к местным евреям; в этих обращениях первые требовали от вторых, собрав все драгоценности, идти на смерть.

– Нет, не зря ты стал евреем, а затем ты стал евреем, чтобы смыться в Израиль! (А. Галич «В привокзальном шалмане»)

... Жизнь – это место, где жить нельзя:

Ев-рейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат

Стать Вечным Жидом?

Ибо для каждого, кто не гад,

Ев-рейский погром —

Жизнь...

(М. Цветаева)

Мертвый, стою я в толпе

Таких же евреев Освенцима.

Туман ядовитый в трубе

Забрал мою жизнь... но не сердце.

До смерти затравлен. В толпе.

Не нужно вам плакать и лгать!

Клянусь я и вам и себе

Отныне стихов не слагать.

(П. Телегин «Жертвам фашистского режима»)

На его взгляд, эпитафии наиболее удачно соответствовали заявленной тематике.

«Почему – жида? Почему еврейская национальность избрана «козлом отпущения и опускания»?.. Не знаю. Но всю жизнь пытаюсь в этом разобраться.

Меня не интересует в данном случае официальная версия, потому что она может успокоить разум, но не совесть. Чтобы совесть была спокойна, нужен Справедливый Суд.

Итак, дамы и господа, сегодня на нашем Справедливом Суде слушается дело жидов.

Русский бритоголовый фашист-маргинал играет роль Обвинителя. Русский волосатый интеллигент-интеллектуал – роль Защитника. Жида в роли Обвиняемых.

В роли Свидетеля выступает Спрашивающий, Как Пройти (впервые на экране).

Слово предоставляется Свидетелю.

Спр., Как Пр.:

– Я шел по Химкам и искал дом тридцать по Ленинградской улице. Мне встретился один господин с ошалелым взглядом и красным лицом. За неимением других прохожих

поблизости я обратился к нему. И тот мне ответил...

(Свидетель нервно просматривает какие-то бумаги, бормоча «да где же?!», наконец с торжествующим видом поднимает исписанный блокнотный лист):»

Дальше Витя решил вставить практически не меняя один случай, недавно действительно имевший место – подслушанное на улице словоизлияние.

« – «Это всё жида виноваты! В Думе одни жида! Мочить всех их надо!! Они же как цыгане почти! Я читал в истории Древнего Мира, что у них не было своего государства. Вот они и хотят всех завоевать. Ленин со Сталиным тоже были евреями...» В этом месте я прервал его излияния, сказав: «Ленин со Сталиным плохие не потому, что они якобы были евреями, а потому, что они плохие сами по себе. В чем-то вас понять, пожалуй, можно, но, черт возьми, сколько было и есть талантливых и гениальных евреев-ученых, евреев-режиссеров, евреев-поэтов и писателей?! Неужели вы будете говорить, что все евреи – плохие?.. Не все евреи – сионисты!» Тот молвил в ответ: «Не зря царь их поубивать хотел, жидов поганых!» «Гитлер тоже хотел...» – закончив так беседу, я развернулся и пошел прочь от очередного недовольного жизнью антисемита.

Спр. Суд:

– Вы все слышали это. А что скажет Обвинитель?

Фаш.-Мар.:

– Ребята! Жида жадные! Они помогают своим и только

своим! Их религия говорит им о богоизбранности ихнего народа. Мы для них – никто. Как можно это терпеть молча?!

– Спасибо, фашист. Теперь пусть Защита выскажет свою точку зрения».

Начав писать, Виктор вскоре ощутил, как выросли способности отстраненного погружения в собственный текст и сопереживания героям; в душе зарождалось предчувствие того, что он сможет прожить так еще ни одну параллельную жизнь.

«Инт.-Инт.:

– Ты, бля, фильтруй базар, фашистская гнида! А не то, б**дь, быстро устроим Берлин в апреле сорок пятого – дубль два!.. О чем это я?.. Ах, да – чертов еврейский вопрос! Этот вопрос актуален для тех, кто не может и не хочет признавать вину за свою неустроенную или плохо устроенную жизнь. Перекидывать груз ответственности на чужие спины и плечи – удел слабых и глупых натур с древнейших времен.

Спр. Суд:

– Суд удаляется на совещание.

Выйдя из зала, Суд обсудил сложившуюся ситуацию.

Снова возвращаясь в Зал, Судья обронил в никуда фразу:

– Таким образом, можно сделать предварительные выводы и так ответить на вопрос «Why Jews?!»: «историческая традиция».»

«На сегодня хватит!» – подумал Виктор.

Глава 4. No recess

На следующий день, в понедельник, в школе Витя показал друзьям плоды своих творческих усилий, распечатанные предварительно в трех экземплярах. На перемене Филя и Валя подошли к Виктору, чтобы поделиться своими впечатлениями от только что прочитанного.

Филя оценил творение так:

– Отрывок очень маленький. Только я настроился узнать побольше не только о еврейском вопросе, но и об идиотизме, свойственном как фашистам, так и ярым антифашистам-либералам, как тут же всё закончилось. Тебе, кстати говоря, удалось точно описать манеру их споров, «аргументацию» сторон.

– Ну, скажем, несмотря на «Коррозию», в душе я и сам антифашист, ты же знаешь...

Валек присоединился к беседе (дело было, напомним, в нулевых):

– Мне это представляется столкновением двух культур, двух мировоззрений: иудейского и эллинского. Европа находится под влиянием эллинской культуры: культ тела и прочее. Тут несоответствие ясно. Гораздо сложнее понять столкновение мусульманского мира и иудейского – культуры очень близки. Это всё равно, как если бы украинцы воевали с русскими.

– Мне трудно судить, так как не очень хорошо разбираюсь в этих тонкостях, но вроде бы и иудаизм и мусульманство претендуют на обладание абсолютной истиной, что позволяет им в некотором роде возвышаться над другими конфессиями и их представителями. Если в христианстве, которому претензии на обладание истиной тоже не чужды, не столь явно выражена готовность воевать за веру – я говорю только про Евангелие, не про реальную деятельность его адептов – то в том же Коране можно увидеть одобрение насилия. Мусульманство и иудаизм очень агрессивны – это, видимо, лежит в основе конфликта между ними. Я выражаю лишь свое мнение, а я могу быть недостаточно осведомленным в этих вопросах.

– По-твоему, в Коране есть суры, которые призывают убивать людей других национальностей? Мне кажется, одобрения насилия нет ни в одной из перечисленных тобой религий. Всё это делают люди, они извращают и интерпретируют по своему усмотрению, – говорил Валентин.

– Да? А ты сюда посмотри! – Виктор извлек свой дневник, полистал его и передал Вальку. Тот с некоторым удивлением прочел вслух, с трудом разбирая корявый почерк: «186 (190) И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, – поистине, Аллах не любит преступающих;

187 (191) И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн – хуже, чем уби-

ение! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут сражаться там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!

Сура 2. Корова. Стр. 35. Перевод академика И. Ю. Крачковского. Москва, 1991 г.»

– Ладно, я не спорю, что всё зависит от интерпретации. Вы скажите прямо – появился талант у меня, или это всё вранье? – воскликнул Витя, не вытерпев.

– Конечно, явный прогресс налицо. Я помню то, что ты писал до этого. Такая лажа, если честно! Думаю, не обманули тебя инопланетяне.

Подошел Семен и присоединился к разговору, так как прочел уже свою копию «Ответа».

– Ну и тему ты поднял, автор! Тут миниатюрами и даже новеллами не обойдешься – будет расти, как снежный ком! Кстати, если будешь писать продолжение, недостаток знаний по теме может выйти боком... Надеюсь, что-то получится, – резюмировал самый младший из четверки.

– Тема-то поднялась и сразу иссякла, так как призвана была отразить лишь поверхностные точки зрения на ситуацию, – ответил ему Виктор. – Но, если совсем уж серьезно об этом, в Китае вот никогда еврейского вопроса не поднималось; евреи там не объединялись перед лицом направленной на них агрессии. Они преспокойно ассимилировались, растворились среди китайцев. Вопрос имеет чисто религиозную природу. Он связан с желанием христианства позици-

онироваться как «истинный» иудаизм вопреки иудаизму еврейскому.

– Гм, слишком поверхностно! – возразил Валя.

– Аминь, – Моисеев не стал возражать.

Виктор, конечно, был рад доброжелательным откликам друзей, но, вообще-то, он ожидал большего. Однако для начала достигнутого хватало.

Прозвенел звонок, и все разошлись по классам.

К третьему уроку забинтованная рука уже почти не мешала. На физкультуре Виктор, благо был освобожден самим собой от занятий с помощью скачанной из и-нета справки, распечатанной заблаговременно сразу после литературных трудов, написал стихотворение:

«Разложу свою жизнь я по буквам,
Мне помогут пять пальцев руки.
С опозданием пускай, всё ж приду к вам;
Приплыву по теченью реки».

Пока он писал его, поглядывая на бегавших и прыгавших одноклассников, в голове мелькали посторонние мысли, навеянные лицезрением бодро дрыгавшихся обтянутых спортивными латами задов. Виктор думал о том, означает ли всё случившееся полную потерю его уличной боеспособности из-за угрозы соскальзывания пальцев с кнопки, а также о том, что не за горами диспансеризация. Военкомат может в теории проявить излишнее любопытство, поэтому нуж-

но будет откатить нужному врачу, тем самым раз и навсегда избавившись как от расспросов, так и от угрозы угодить в грустные места обязательной службы, чреватые при новом украшении Виктора опасностями не только для него, но и для всей нашей Родины-Земли.

Моисееву вдруг вспомнился один поразивший его недавно случай, и мысли снова приняли творческое направление. Время позволяло, и он сочинил вторую прозаическую вещь своего «законтаченного» периода. Это произведение писать было труднее, но поселившаяся с недавних пор в душе уверенность в собственной значимости удесят�еряла силы и стимулировала на работу. Новую миниатюру он озаглавил

«Человек с микрочипом в голове»

«Один вопрос... Всего один вопрос остался без ответа. Это вопрос «когда?» Я даже не спрашиваю, как. Но когда, мать вашу?! Когда они вставили свой микрочип в головы человечества?!

С виду обычный человек не так обычен внутри. Кошмар, просто кошмар, до чего необычен! Он – человек с микрочипом в голове и микрофоном, вмонтированным в ладонь. Микрочип соединен с микроприемником, настроенным на получение приказов свыше.

«Что? где? когда? как?» – вопрошает в микрофон под кожей человек с МГ/МЛ. И, конечно же, получает ответы: что

делать, где, когда и, конечно, КАК.

Новая модель, последний каприз престарелого Бога. Игрушка судьбы в руках тоталитарных систем. Universal soldier на службе миротворчески-нефтяного милитаризма. Шуруп в машине seamless. Back in US... Back in US... Да, Пол, ты прав, увы! Патент на изобретение вырождающегося импотентного поколения «х... less». Привет тебе!

Человечество с микрочипами в мозгах и микрофонами в сжатых в кулаки ладонях. Прах отцов вопиет о возмездии, а болезни матерей вызывают сострадание. Эпидемия «ада внутри» распространяется по душам и душонкам со скоростью web-спама. А вот яркий образчик поэзии эпохи (автор – Микрочип Микрофонович):

Зеницей ока по костям коробится упрямо.
Из-под брони глядит очко: момент Гудериана.
Не жги электричество почем зря,
Веря, что желтое – это заря!
Цифровое решение буквенных проблем —
Круг на песке, уравненье с рядом неизвестных,
Самая недоказуемая из всех теорем.
Магнитною бурей спел песен нелестных.

Продукт лесбийских внебрачных игр попсы и рекламы. Мечта о колбасе в преломлении о выступления шероховатой реальности. Ад. Один. И он один. Воюет сам с собой. Потому что воевать с системой – удел тех, кто может дифференци-

ровать себя, отгородить от чего-то внешнего. Человек с МГ/МЛ не таков определенно. Он ревет; его рвет; он бьет; он пьет...

Он понимает,
Что ничего хорошего
Его
Уже
Не
Ждет.

И тогда он сигнализирует о своем бытии окружающим. С помощью огня он подает сигнал. И когда на сигнал не приходит ответа, программа контроля приказывает природным окулярам образовать соленую влагу. Всё... И снова в новый день, глотая горечь бытия. Грустно жить за решеткой, братья... Но весело спать».

Последняя написанная строчка совпала во времени со звонком, известившим об окончании урока, что не было простой случайностью, по крайней мере, в воображении Виктора. Посмотрев на часы на экране мобильного, он отметил, что выпал из реальности: для него оказалось неожиданным, что мимо лавки, на которой он сидит, проходят в направлении раздевалок парни и девочки, в то время как он сжимает в руке новый текст, сгорая от нетерпеливого желанья хоть кому-нибудь показать его.

На роль «кого-нибудь» без лишних раздумий была опре-

делена Катя Дросимова, девушка ботанического склада души и соответствующего вида, но в чем-то симпатичная. Витя не предпринимал попыток ухаживать за ней, не ведая, что этим самым ее задевал, так как был нередким гостем ее девичьих снов. Итак, именно ее Виктор выбрал в качестве первого читателя и критика своей новой вещи.

Глава 5. The righteousness

Моисеев и Дросимова стояли в рекреации у подоконника. Виктор, с нетерпением ожидая мнение своей читательницы, пришел за двадцать минут до первого урока. Он допускал, что, если ему суждено будет стать известным писателем, он уже не будет обращать такого внимания на отклики других людей, но пока живое общение о его творчестве было необходимым, как воздух. И вот он по выражению лица подошедшей девушки старался прочесть ее мысли как относительно произведения, так и личности самого автора.

– Ну так что скажешь? – нарушил Виктор неловкое молчание, возникшее после обмена приветствиями и пары общих фраз. Надо было брать быка за бока.

– Ну что тут можно сказать... – Катя томно закатила глаза и поправила очень длинные темные волосы. – Видны разнообразные влияния, но в целом очень даже ничего!

– А поконкретней?

– Поконкретней? Могу утверждать, исходя из прочитанной мной миниатюры, Виктор, что микрочипы вмонтированы еще не во все головы. Я и не подозревала в тебе такого таланта!

Эти слова Моисеева не очень обрадовали, так как он отдавал себе отчет в том, что обязан неожиданно открывшемуся таланту не столько себе, сколько инопланетной технологии.

Впрочем, тут прозвенел звонок и избавил его от смешанных ощущений.

После уроков они вдвоем шли от старого трехэтажного здания школы, недавно наконец-то отремонтированного благодаря вышедшему из этих стен депутату Думы. Когда немного отошли от зеленого забора, ограждавшего территорию учебного заведения, их глазам предстали рабочие, увлеченно занимавшиеся укладкой асфальта. Между тем Моисеев объяснял, как возникло его произведение:

– Я ехал стоя в троллейбусе. Рядом сидел бомж, который, очевидно, был сумасшедшим. Он что-то бормотал и размахивал перед окном зажигалкой, периодически чиркая ей. Волосы почему-то были разноцветными, версия происхождения их странной окраски и подтолкнула к идее сюжета. Человек, помимо прочего, вслушивался во что-то слышное одному лишь ему и говорил в кулак как в микрофон наподобие следующего: «Приказ понял!». Основной замысел родился сам собой. У меня такое часто происходит: только что-нибудь увижу – сюжет уже готов.

– Да? – Катерина обвела окрестности взглядом серых очей. – А ну-ка, про рабочих этих что-нибудь? сможешь?

Витя смущенно замолчал. С полминуты смотрел на свою левую руку, после чего уверенно молвил:

– Могу. Пошли только к скамейке отойдем.

Заинтригованная Катя, подобрав юбку, уселась рядом с начинающим автором. Тот, не теряя времени, уверенно

примерялся, как бы поудачнее схватить пегаса за рога: достав ручку и дневник, начал писать.

В то время как он выводил вдохновенные строчки, откинувшись на спинку скамейки Катя жмурила глаза от яркого осеннего солнца. Прохладный ветер феном шевелил ее вороньи волосы, что выглядело довольно красиво. Но красоту эту некому было оценить, поскольку Моисеев снова выпал из реальности.

Через десять минут Виктор распрямил спину, разбудил слегка даже задремавшую одноклассницу и с пафосом продекламировал написанные экспромтом строки:

– Я разработал концепцию художественного творчества, которой собираюсь быть верен, которой намерен следовать безостановочно и упрямо. Ее название – «Путь Асфальта». Про нее можно исписать толстые тома, но я хочу лишь вкратце передать суть. Художник слова! Прораб под подпись выдал тебе энное количество таланта. В нашем случае его символизирует Асфальт. Обычный Асфальт, вроде того, что составляет основу городских Тротуаров и Дорог. Как ты будешь этот Асфальт класть, зависит от тебя, условий местности и других факторов. Заасфальтировав очередной участок, ты провозишь по нему фатальную колесницу своей жизни дальше на некоторое расстояние, одновременно приближая свой конец и высекая свое имя на стене истории для Вечного. Дорога, проложенная тобой, останется, даже когда ты канешь в Лету, и еще послужит многим добрым людям. Но вот

только ты уже об этом не узнаешь, хотя при твоей жизни прораб всяческими гримасами и ужимками старался донести до тебя эту простую, как два пальца об Асфальт, мысль. Но ты и не жалуешься. Да и прораб тобой доволен. Твоя дорога будет не хуже чем у других, но и не лучше. Те, кто придут за тобой, продолжат твое дело и помянут предшественника (то есть тебя) добрым словом и тихой молитвой. Можно всю рабочую пору пробухать, но и зарплаты тогда не видеть, как бомжа в лесу. Вопрос: оно нам надо?

Дочитав свое произведение, Виктор бросил взгляд на забинтованные пальцы, полез в карман за платком, культурно высморкался и только тогда рискнул посмотреть на Катю. Та не мигая смотрела расширившимися зрачками в лицо Виктора. Она быстро заговорила:

– Ты правда всё это сейчас вот прям напридумывал? Нет слов! Просто нет слов! Такая глубокая концепция – из ниоткуда! Я в потрясении. Дай поцелую! – она чмокнула Моисеева в щеку (от удовольствия и слегка пугающего неожиданностью счастья тот зажмурился и в смущении не решился что-то вымолвить в ответ). – Я предвещаю тебе большое будущее! Только не бросай это дело! Помню, у тебя проскользнула «фатальная колесница». Тоже Талькова слушаешь?

Пришедший в себя после первого в его жизни поцелуя от девушки Виктор уже спокойно заговорил:

– Есть такое дело. Любимая его песня – «Моя любовь».

– Здорово! А я ее не слышала. Дашь послушать?

– Угу, завтра си-ди притараню.

...По пути домой Витя вспоминал беседу с Катей в школе и после, заново воссоздавал в уме как сказанное в ее ходе, так и поцелуй, и осознавал, что приятно было заново переживать и то и другое. На полдороге Моисеев завернул к Филе, чтобы тот помог сменить повязку. С каждым разом эта процедура становилась всё более опасной, ибо к руке постепенно возвращалась способность двигаться, что было уже чревато лишним рывком пальцев и гибелью всего, что так дорого сердцу людей вне зависимости от вероисповеданий. Радовало лишь, что шприц был почти полным.

Уже дома, после наскоро проглоченной трапезы, Моисеев согнал наваждение и, глянув искоса на хорошо замотанную руку, открыл «вордовский» файл и позволил душе низвергнуться в пучины вдохновения. В этот раз он выдал антиправославно-жизненную стори.

«Право слово!»

«Гоша, девятнадцати с половиной лет, искал Историческую библиотеку в районе Китай-города. Ориентиры, которые должны были облегчить ему поиск, не выполняли своих функций. Храм, стоявший перед его глазами, явно не был тем храмом, который требовался.

Пока Гоша смотрел на не тот, но всё же такой красивый образчик зодчества, из храмовой двери вышла какая-то жен-

щина средних лет, несколько диковатого вида, и направилась прямо к молодому человеку. Представившись Татьяной, женщина поведала рассказ, который так сильно заинтересовал Гошу, что он напрочь забыл о собственном деле.

– Ты видишь этот храм? Ты бы знал, как здесь отец ***ий проповеди читает! Но при всем моем хорошем отношении к нему, скажу прямо: православие никуда не годится! Они деньги берут за кости. Надо снова, как в тридцать третьем году с ними поступить! Хотела за четверых свечи поставить – так говорят, за каждого – сто... Я пыталась об этом говорить одному батюшке, высокому такому, повыше тебя, и толстому: «Почему на костях капитал сколачиваете, на крещении?» А он побежал бить, я убежала, потеряла платок, он догнал. Так жестоко давно не видела, чтобы били! За голову – и об стену! – горькие воспоминания, это было видно, нелегко давались женщине. – Я подала на батюшку в прокуратуру, ещё на Украине было. Ничего... Поехала в Москву. Чувствую, за мной погоня, – озвучиваемый детектив захватывал Гошу похлеще Донцовой. – на «Щелковской» увидела, что двое за мной следят. С начальством по сотовикам что-то обсудили, им дали команду – догнали меня, избили, и свидетеля тоже избили.

Главное, какой народ оболванили хороший! Какая земля здесь – ты только посмотри! Все они, толстопузые, повязаны: государство, православие, менты. Все – одна банда. Жить страшно, умирать легко в такое время. Мафия, банди-

ты правят государством российским. Украли квартиру у меня... Короче, молодой человек, держись от них всех подальше – целее будешь!..

– Да ноги моей больше не будет у них на пороге! – молвил Гоша в негодовании».

Погруженный в мир собственной фантазии, Виктор даже не заметил, как наступил вечер. Потянувшись и глянув в окно, он увидел отблески закатного солнца. Улыбнувшись привидевшемуся в багровом пламени лику Бога, Витя по-быстрому сделал уроки, внес корректировку в рассказ (по ходу дела подумал: «Ну вот, как бы теперь на меня православие не ополчилось!») и, умывшись, лег в постель, размышляя о вошедшей в его жизнь, он был в этом уверен, девушке. Задумав он решил пока что замедлить темпы бурной творческой деятельности в пользу учебной.

Глава 6. Two lovers

На протяжении нескольких следующих недель Витя с Катей гуляли вместе по выходным, в результате чего они посетили, составив предварительно список в алфавитном порядке и отредактировав его, следующие места: Коломенское, Кремль, музей Вооруженных Сил, музей Востока, Пушкинский музей изобразительных искусств, Третьяковку.

Счастье наделяло осень чертами весны, всё было в порядке, пока Витя не накопил пару поэтических опусов для Дросимовой – простеньких произведений. Одно из посвящений выглядело вполне невинно:

«К тебе до смерти полон жаждой,
С последних сил сквозь зубы крепишься.
Люблю как бога я твой каждый
Квадратный сантиметр футфетиша.
Там, где проходит это тело,
Там, где пронесит мир души,
Воздвигну храм рукою смелой
Красе очей в людской глуши».

Второе было слишком смелым, чтобы его здесь приводить. Но не стихи вызвали крушение идеалов. Дело в том, что по глупости и молодости Виктор завел разговор о любви. Он не имел представления, что вместо того, чтобы при-

влечь (второе произведение включало зарифмованную пару «привлечь-прилечь»), это подействует на предмет обожания отталкивающе. Да какое там «привлечь», тем более – «прилечь»! Едва Виктор произнес роковые слова, как почувствовал, что Катенька не хочет его ни в каком из смыслов, нужных ему. Какие-то пять минут назад всё было совсем иначе, но теперь что-то неуловимо и в то же время очень ощутимо изменилось в воздухе. Женская душа – Марианская впадина. Темная, зачастую холодная.

Катя объяснила, что хочет просто дружить с Витей.

Трезво взглянув на себя (no money, no car, no completed education and so no), Виктор страдальчески сощурился, ибо представлялось очевидным, что такая дружба хуже холодной войны. «Наверно, «дружба» и «ружье» – это однокоренные слова» – мелькнула догадка. – Хорошо хоть, ничего не было. Хотя это также и плохо...» Лучше всего было бы отныне не замечать предмета своей страсти. Но попробуй не замечай в этом возрасте, когда всякий знак женского внимания равен... Да ни с чем не сравнится, выше всего женское внимание в шестнадцать лет! Особенно, если его источник является к тому же предметом обожания.

Всё это мгновенно пронеслось в ускорившем благодаря стрессу работу мозгу и привело к тому, что Моисеев, как Тальков, «ушел в глубокое молчанье», лишь кивнув в ответ на заданный в лоб вопрос. Они прошли еще какое-то расстояние вместе и разошлись.

Витя пошел к ближайшей кафешке (они прогуливались в районе Старой площади, Витя сразу вспомнил свое последнее прозаическое произведение), а Катя индифферентно застучала каблучками в сторону метро. Охранник кафе «Soggy, бабушка!» грубо крикнул, едва Виктор вошел: «Закрой дверь!» Другой охранник поинтересовался у кричавшего, почему он такой грубиян. «Это не я такой, это жизнь такая!» – выдал тот ответ, секунду поразмыслив. «Легко жить, когда во всем следуешь за общим потоком жизни и не пытаешься ничего изменить. Жаль, что серый удел – не мой», – подумал тогда, бросив на грубияна мрачный взгляд, Виктор. В кафе он долго не задержался, только слегка перекусил. После этого отправился домой.

Стоя в депрессивном состоянии духа и мрачно толкая чужие тела в ответ на привычные хамские толчки, Моисеев старался сохранить подобие равновесия в зыбком мире общественного наземного транспорта и видимость благочестивого спокойствия на лице.

«...Введена система АСКП. Более подробную информацию можно прочитать в объявлениях на остановках. Желаем вам *приятной поездки!*» – съерничал голос из магнитофона водителя. «АСКП, – решил Витя, – тренажер для выработки в себе самых низких и зверских инстинктов».

...По неопытности Виктору в первое время после того, как Дросимова его бросила, было весьма плохо; болела душа. Никто из старших товарищей не объяснил, что дальше

его влюбленности и расставания будут не столь болезненными. А если б и объяснили, разве это дало бы что-нибудь?

Но, как бы ни было плохо, Виктор ничуть не сомневался, что нужно идти вперед несмотря ни на что. Он просто взял и пошел, решив, что, разумеется, можно было бы прожить жизнь как полностью, так и в деталях иначе, более грамотно, избежав бури и любви, но разве было бы от этого интереснее?

Увы, неприятности на личном фронте вылились в своего рода «творческий штиль». Ничего интересного не писалось.

Виктор всё ж начал новый рассказ. Он вывел шестнадцатым шрифтом заголовок:

«Табуированная тема»

После этого сходу родил и само произведение:

«Молодой человек шестнадцати лет шел по улице. Возле газетного киоска он увидел дедушку.....
срал в рот...»

Напечатав текст рассказа, он тут же в порыве раскаяния удалил его. Теперь он понял, что даже очень талантливый автор может написать бездарное произведение в соответствующем настрое – например, когда лебедка либидо настроена на зло.

Глава 7. Day-dream

Дни проходили, Моисеев уже оправился от переживаний, вызванных неудачей с Дросимовой, как вдруг новая напасть подкралась оттуда, откуда не ждали.

Случилось следующее: в организме Виктора под влиянием инопланетного стимулятора творческой активности произошли необъяснимые изменения, затронувшие область психики. Стимулятор пришельцев был рассчитан на широкий спектр обитающих во Вселенной существ, но не на всех, и, видимо, в том числе не на людей. В результате воздействие инопланетной техНЛОгии привело к нарушению адекватного мировосприятия. Впрочем, у молодых людей его возраста, особенно если они при этом талантливы в какой-то области (а талант часто – дело наживное, в чем Виктор недавно убедился на собственном опыте), мировосприятие и так разительно отличается от взросло-среднестатистического, присущего тем, кто идентифицируется исключительно как вечный борец за жирный кус в описанной Пелевиным Кормушке.

Итак, побочный эффект инопланетного средства – новообразования в психике Витька в виде дневных сновидений – стал фактом, с которым ему приходилось теперь считаться *volens nolens*. Еще до общения с представителями неземной цивилизации Витю посещали видения, являвшиеся порождениями его собственной фантазии, которые могли бы дать

пищу для размышления преданному поклоннику Фрейда, но никогда прежде они не выходили из-под полного или частичного контроля подростка.

Виктор с неудовольствием обнаружил, что видения могут захватывать его душу целиком прямо среди бела дня. Начал замечать, что выпадает из реальности в самый неподходящий момент – например, во время урока или при переходе улицы. К счастью, пока что толчки окружающих оперативно возвращали его в адекватное психическое состояние. Он мог лишь надеяться, что палец в один прекрасный момент не перестанет давить. Витя стал чаще менять повязку, прося Филиппа затягивать покрепче узлы – никто не знал, когда понадобится новая доза парализатора.

В конце концов он умудрился отключиться прямо на уроке. Ему еще повезло, что невольный дей-дрим со стороны выглядел как глубокая задумчивость, которую равно могли вызвать как красивые девушки, так и история написания гениального романа Михаила Афанасьевича Булгакова.

В своем сне наяву Виктор обнаружил, что стоит где-то посередине Тверской улицы, прямо на проезжей части.

Напротив него располагалась группка из пяти бомжей, но бомжей неправильных. Двое держали плакат со странными словами: «Бомжи Москвы за сухой закон!» У остальных в руках были книжки советских писателей, но они все не пытались втюхивать их прохожим по бросовым ценам, а вместо этого читали сами. На одном оборванце даже

были очки, из-под стекол которых, правда, сверкали фингалы. Периодически бомжи скандировали не очень слаженно, но с чувством:

– До-лой вод-ку!!! До-лой вод-ку!!!

Чудеса не закончились. К фасаду здания, на который случайно попал взгляд Витькá, был приделан рекламный плакат движения «против СПИДа – за СПИДы!», а сзади постепенно нарастал галдеж. Виктор смог заставить себя оторвать взгляд от бомжей антиалкогольной ориентации и плаката и, собрав всю силу воли, оглянуться на шум за спиной. Он увидел процессию, двигавшуюся в сторону центра: люди с агитационными транспарантами и рекламными плакатами дружно шагали в ногу.

На одном из плакатов был красочно изображен ребенок лет пяти с бутылкой водки и налитым до краев стаканом. Симпатичный паренек подмигивал и был готов употребить жидкость по прямому назначению. Забубенность позы, запечатленная не лишенным таланта художником, однозначно указывала на то, что малыш понимает в своем деле толк...

– Кто вы? За что агитируете? – поинтересовался наш герой у ближайшего из идущих, лишь только тот подошел поближе.

– Движение за легализацию употребления алкоголя лицами до восьми лет! Почему детские свободы подавляются сверху?! Нет произволу властей!!! Ребенок хочет бухать, не только курить! Значит, он должен бухать! Он будет бу-

хоть! Дайте ему эту возможность! Парень, пойдём с нами на митинг! – умудрился проорать мужчина алкоголического вида, пока не миновал Виктора, после чего обратил свой трубный голос – видимо, ему понравилось быть в центре внимания – к домам по сторонам Тверской: – все на Митинг, люди, все на борьбу за святые идеалы! Свободу ребенку!!

Старые, красиво-надежные дома, пестрые от световых реклам и взиравших пластиковыми глазами сквозь стекла витрин манекенов в шмотках, стоивших дороже в сотни раз, чем организация протекавшего в тот момент митинга, скромно помалкивали, а люди по обеим сторонам улицы и сидевшие в редких проезжавших автомобилях выражали полное единодушие с митингующими, задорно метая перуны словесного гнева в «беспредельщиков».

В смятении от царящих вокруг гоголевского гротеска и кафкианского абсурда, Витя поплелся за делегацией. Однако поскольку окружающие воспринимали поразительные для Виктора лозунги как само собой разумеющееся, он решил мимикрировать в стороннего наблюдателя, вспомнив вычитанное где-то высказывание Пифагора: «Учитесь быть тихими. Позвольте вашему тихому сознанию слушать и впитывать».

Между тем процессия преспокойно достигла Красной площади. По соседству с памятником маршалу Жукову одни стали фотографироваться с обезьянкой, другие – кидать монеты на Нулевой километр в надежде, что это поможет ко-

гда-нибудь сюда вернуться.

– Давайте, что ли, поскандируем... один такой лозунг! – произнес некий *Он* голосом, искаженным мегафоном-матюгальником. *Он* – это небольшой мужичок, взгромоздившийся на импровизированную трибуну, собранную рабочими из заранее припасенных для этого частей. Заиграла опера Джузеппе Верди «Аида», но *Он* раздраженно махнул рукой, и музыка заглохла. Набрав в легкие воздуха, *Он* проорал:

– Да...

Ту-ду-ду-ду!!!

Пламенная пулеметная очередь прошла *Его* насквозь, наступив на горло планировавшемуся пламенному лозунгу.

Стреляла *Она Тама*.

Она Тама прошла на трибуну в гробовом молчании.

Она Тама достала откуда-то спрятанный микрофон и спела для толпы всё еще не очухавшихся борцов за права детей попсовый хит, затем представилась:

– Борец за права нерожденных детей!

Нерожденные дети —

Они как мы с вами!

Мы должны стать им светом,

Пусть идут к нам как к маме!

Витин *Сосед Слева* выдавил:

– Ух, млять на раз-два!!

После этого *Сосед Слева* в два прыжка очутился возле зло-

счастной сцены, вооруженный вилкой. Прыгнув и подтянувшись на руках, он оказался рядом с *Ней Тамой*. Ленивым движением отбросив вскинувшийся пулемет, воткнул вилку в глаз женщины. Повалив ее, он дополнил акт насилия изнасилованием, добавив отягчающих обстоятельств в свое личное дело.

Толпа в безмолвии созерцала очередное реалити-шоу. Кто-то занялся онанизмом.

Витя не утерпел и тоже начал действовать. Сняв со своих джинсов небольшую цепочку для ключей, он решил принять в разборках посильное участие.

И в тот момент, когда его рука замахивалась, чтобы приложить цепью насильника (замахивалась наполовину в порыве справедливого негодования, наполовину из зависти), Витя...

...Почувствовал удар локтем в бок.

– МО-И-СЕ-ЕВ!!! – лицо не старой еще мегеры смотрело прямо на него, сверля амбразурами прищуренных раскосых глаз.

– Да-да... – вяло подал голос школьник, отметив, что разбудил его сосед по парте, сидящий справа, за что того надо бы потом поблагодарить.

– Ты что, спишь, что ли? – Елена Степановна выбрызнула в Виктора дозой яда.

– Нет, конечно же.

– Что я сейчас сказала тогда, повтори?

– Ух, млять на раз... – прошептал Моисеев, вслух же сказал: – простите, я просто немного задумался об эпохе, когда творил Михаил Афанасьевич, о нелегких условиях, в которых писателям советского безвременья приходилось работать... Если они при этом были в ладах со своей совестью, разумеется... Я мог кое-что прослушать.

– Будь внимательнее!

На перемене Моисеев и друзья собрались поговорить о жизни. Семен под влиянием гормонов и прослушивания большого количества металлической музыки решил сколотить банду, точнее – группу. Эта идея была с энтузиазмом подхвачена. Оставалось лишь освоить какие-либо инструменты, накатать материал, и можно было лабать, где захочешь – на школьной дискотеке, у друзей, просто дома...

Глава 8. Rock'n'roll Doctor

Пацан сказал – пацан сделал. А если не сделал, то еще раз сказал. Пара репетиций, и материал, сочиненный Семеном, был разучен, а сама группа с названием «Сила Воли» в составе Сени Прыгалкина (гитара, вокал), Валентина Валжанова (гармоника, бэк-вокал) и Виктора Моисеева (барабан – работа одной рукой, как в «Def Leppard»; бэк-вокал) оказалась готова к квартирным сейшнам. К нескольким наработкам песен Сени, включавших готовые гитарные риффы, соло и тексты, Валя и Витя добавили наскоро сочиненные партии их инструментов. Недолго думая, новоявленная группа начала мочить!

Да, действительно – на акустической гитаре Семена отсутствовала пара струн; в качестве барабана использовалась обычная кастрюля, к которой прикреплялась обложка ненужной, но звучной старой книги – «На суше и на море» за какой-то бородатый год, а вместо тарелок сгодилась металлическая подставка для книг... но для полного угара этого было вполне достаточно!

Первым «хитом» группы «Сила Воли» стал боевик от Сени под названием «*Снежный человек*»:

«Где-то на Севере в тьме он сидит:
Ждет и глазами своими светит!

Приди ты к нему и умри – да!
Он вырвет тебе глаза!
Он вырвался из-под земли,
И он придет за тобой,
И убье-о-о-т тебя,
И убьет твою семью!
Все его ненавидят,
И он ненавидит всех.
Многие в него не верят,
Но он-то в них верит и съест!
...Верит и съест!
Снежный человек самый злой на Земле,
Этот человек ненавидит всех.
Этот человек живет под землей,
И он не опасен ни для кого.
Но он вырвался из-под земли,
И он убьет всех людей – Йети!
Этот человек – ходячий геноцид,
И он всех-всех победит!»

Молодость мерила достоинства музыки и текстов лишь одним качеством – угарностью, а этого-то как раз в шоу-для-себя хватало...

«Хитом» номер два стали антимилитаристские «*Войны*»:

«Дослал патрон в патронник, нажал на спусковой крючок,
И враг повержен, он – покойник, хотя и был тот гад качок.
Его семья по нему плачет, и дети стонут и орут,

А командир воевать хочет, и воины вперед идут!
Вперед!
Воюющие умирают, их дети кровушку их пьют,
И, меж зубами боль глотая, расстреливать себя дают!
ДАВАЙ!..»

– это самое «ДАВАЙ!», призывающее соло, оралось в микрофон с особым энтузиазмом.

«...На войне как войне,
А на планете голубой
Умирают вся и все,
А ты вовсе не герой!
Ты убил впервые в жизни,
И сказал: «Прости, о боже!»
На могилу кровью брызнув,
Ты улегся туда тоже.
Умирают все-все-все,
Не осталось никого.
Мир наш здесь, на самом дне —
Уничтожили его мы!
Воины, войны!
Воины, войны!
Воины, войны!
Воины, войны!
Не имеют смысла сраные войны!»

Апофеозом песни были три минуты истошных ритмизированных воплей сразу после строчки «Не имеют смысла

сранные войны!»

Всё это дело записывалось на кассеты, одна из версий «Войн» содержала альтернативную гитарную партию в варианте Вали, но, в целом, дубли не сильно отличались один от другого.

Помимо перечисленных хитов, ребята исполняли убойный шлягер «Крест». Песня начиналась с того, что Сеня говорил мрачным «мистическим» голосом: «По кладбищу идет страшный могильщик. Он раскапывает яму... и ставит крест!»

После этих слов подключались гитара и барабан, а сам автор пел:

«Без него никак прожить нельзя,
И умереть без него нельзя.
Ляжешь в могилу, в земле почишь,
Крест на могиле у себя узришь.
Крест на могиле стоит у тебя.
Крест на шее висит у меня.
Крест ставят на месте, где зарыт клад.
Крест увидишь, и будешь рад.
Что ты будешь делать,
Если денег на гроб нет?
Могилу ты разроешь
И поставишь сам себе...
Крест на могиле стоит у тебя.
Крест на шее висит у меня.
Крест ставят на месте, где зарыт клад.

Крест ты увидишь, и будешь рад.
Коли крест увидишь ты,
Сразу всё поймешь.
Этот мир покинешь ты,
В общем, ты помрешь!
Крест на могиле стоит у тебя.
Крест на шее висит у меня.
Крест ставят на месте, где зарыт клад.
Крест ты увидишь, и будешь рад».

Витька в припеве помогал Сене и в меру своих способностей орал строки про крест страшным гроулингом.

Деятельность в «группе» не только доставила Виктору удовольствие, но и явилась источником вдохновения. Какофонические симфонии порождали в душе бури энергии, заставляли почувствовать что-то «настоящее», давая именно то ощущение, которое может дать человеку одна только молодость.

Быстро всё же подустав от репетиций и прослушивания со скептической улыбкой записанного, Виктор понял, что созрел для более крупного произведения. Рука, ставшая уверенной в последнее время, вывела название:

«Зона Наслаждения»

*«I can't get no satisfaction»
(Rolling Stones)*

Д...

Амия-402 проснулся, следуя возвратившейся к нему привычке, в своих апартаментах, а не где-то у черта на рогах, как бывало прежде. Поводил в поисках источника шума, прервавшего сон, длинногривой головой туда-сюда, и вскоре его суровый мутноватый взгляд наткнулся на черный прямоугольник напротив кровати. Голос по радио, включившемуся в качестве будильника, вещал:

– Добрый день, Н-зоновцы, с Вами волна «Наслаждения.FM»! Напоминаем, что сегодня, а именно – восемнадцатого числа месяца Революции одна тысяча двадцать пятого года от Обновления планеты П, ровно в двадцать семь часов, вы сможете услышать в прямом эфире программу «Аддиктоодиссея». Наш собственный корреспондент на юге Зоны Наслаждения встретится с ведущим консультантом по AD-1 Амарамии-506.

А теперь, как обычно в это время, начинается наш выпуск «Новостей с Боуллемом-255», то есть мной. Задержанные накануне самозванцы, совершившие ряд преступлений, прикрываясь подложными документами сотрудников Службы Контролирования Зон, приговорены к принудительному изъятию Гормонов Души для донорских целей. Наш собственный корреспондент передает с места событий, что открытый аукцион для нуждающихся в восстановлении отданных AD-1 Гормонов уважаемых людей уже начат, торги идут активно и цена уже перевалила за 15000 юванделий за бил-

лион Гормонов...

Амия-402, не вслушиваясь в скороговорку диктора, на кульминационном моменте беспрерывной болтовни потянулся к пульту и, буркнув «Сволочи, не дают поспать!», выключил старательно твердившего жизнерадостные розвоочечные новости Боуллема. Но совесть уже проснулась и, разумеется, не дала и Амии вновь уснуть. Собравшись с духом, тот вскочил с постели и принял стандартную утреннюю дозу AD-1.

Сразу отпустила головная боль, а сам Амия подумал в очередной раз о том, какие же молодцы эти ученые ребята, сумевшие сделать переход из Бытия в Небытие, шаг через пропасть, разделяющую жизнь и смерть, столь незаметным и плавным. И самое главное – столь приятным!

В последнее время друзья неустанно подзуживают «стареющего» Амию: «Не дело для Н-зоновца, – говорил одноглазый Тлонн-282, – ограничивать свои аппетиты парой доз AD-1 в день. Для чего тебе твоя душа, если не для наслаждения? Может, ты хочешь перебраться в Зону Разума?» В тот раз Амия вполне искренне посмеялся вместе со всеми над забавной шуткой, но в последнее время он начал почти всерьез задумываться о переезде. Нет – не об отдыхе в Зоне Отдыха! Именно о переезде! И вот результат – он не в каком-нибудь южно-Н-зоновском притоне в компании друзей ставит опыты над своей физической кожурой и психической начинкой, а сидит на неприбранной постели в своей кварти-

ре, держась мозолистыми руками с венами, превращенными в живые воронки, за гудящую голову. Амия сам понимал, что жизнь в постоянном удовольствии в любом возрасте – вещь утомительная, периодически требующая отдыха. Длительные блуждания по его Зоне за последние месяцы и постоянные кутежи привели, естественно, к тому, что биологические ритмы сна и бодрствования были нарушены. В воображении АД-1-аддикта снова и снова проносились сплошной пестрой лентой Кэминговая аллея, Шоссе Кайфа, парк ЮОбли, район Публичных Домов и другие названия улиц и городов Зоны Н. Вспомнился месяц лечения от болезни Лейкоппа... Но всё это были просто мелочи в сравнении с терзающими душу сомнениями.

Остатками нетрансформированных в Источники Наслаждения душевных Гормонов он пытался ещё раз нарисовать перед своим мысленным взором картину собственной жизни. Обрисовав схематично свое прошлое наравне с грядущими перспективами, он ужаснулся. Превозмогая боль во всем теле, Амия оделся и выудил из тайника под мыслевизором пятьсот юванделий. Умываться по утрам он разучился девять лет назад, поэтому просто быстро поел и вышел на улицу. Хорошо, когда есть полезные знакомства, ведь эти полезные знакомства могут, когда нужно, помочь завести ещё более полезные...

Е...

Амия направлялся в бар, где его судьба должна была нако-

нец решиться. Длинные волосы шевелились на ветру, будто змеи. Нажав пальцем на висок и сосредоточившись на приеме ментальных волн, он активизировал вживленное под кожу менторадио и продолжил слушать программу «Аддикто-одиссея» уже внимательнее:

– ...Давайте послушаем, что скажет наш дорогой гость Армиякки-213 из Зоны Р.!

– Привет, Боуллем! Здравствуйте, дорогие слушатели! Итак, для начала я хотел бы освежить в памяти известные всем вам из школьной программы исторические факты, а именно – основные вехи в развитии АД-1 и, соответственно, Зон как социально-исторического явления вообще. На нашей с вами планете вся поверхность искусственно поделена на две равные зоны: Зону Наслаждения (Зона Н.) и Зону Разума (Зона Р.). За этими системами наблюдает нейтральная организация, являющаяся третьей силой, чьи станции находятся на спутнике С – Служба Контролирования Зон (С.К.З.). Данная организация следит, чтобы не происходило несанкционированных перемещений и обмена информацией между двумя изолированными Зонами. Вот почему вы, Н-зоновцы, лишены достоверной информации о подробностях жизни в Зоне Р. И наоборот, Р-зоновцы обладают такой же официальной неполной и обрывочной информацией обо всем, касающемся вашей жизни. Что, впрочем, не мешает неофициальному обмену информацией. Планета П слухами кормится! Да и деятельность всевозможных «Агентов

Отпуска», которые осуществляют ограниченную в пространстве и времени перевозку грузов и людей из Зоны в Зону за деньги, набирает обороты. Другое дело, что желающих окончательно променять жизнь в радости на работу немного.

– Ха-ха, это точно!

– Обратный тезис тоже верен. Итак, с вашего позволения, я продолжу. Когда П достигла пика могущества, работать на ней перестало быть необходимым. Каждый получил возможность решать, зачем ему жить – для наслаждения или для творческой или научной работы. Естественно, большинство выбрало жизнь для удовольствия. Сейчас в Зоне Н. доступно всё выработанное человеческой мыслью для целей получения наслаждения. Мы не знаем подробностей о вас, но общей информацией, конечно же, владеем.

– Разумеется. Это взаимно.

– Теперь есть безвредные наркотики на любой вкус. Есть наркотики вредные. И, конечно же, король наркотиков – Absolute Drug-1, AD-1. Препарат разработал в 1001-ом году Исилай-202. Сторонники использования AD-1 победили скептиков, что и привело к образованию двух Зон на П. Зону Наслаждения неофициально окрестили «Рай на Земле». Но всё же многие сказали: «Не надо нам такого рая!» Они оказались первыми обитателями Зоны Разума.

Препарат AD-1 перерабатывает Гормоны Души, открытые тем же Исилаем-202 в 988-ом году, в Источники Наслаждения. AD-1-аддикт со стажем способен только на ооще-

ние удовольствия, действовать и мыслить он не способен. Те, кто отдал все Гормоны, отправляются в Приюты Счастья, где их тела питаются от автономных источников. В вашей Зоне была создана Зона Отдыха Зоны Н., куда стали приезжать время от времени ученые с целью отдохнуть от интенсивной работы, дозированно используя препарат AD-1. Точно так же и в Зоне Р. появилась Зона Отдыха для желающих отдохнуть от безделья.

– Кстати, не все наши слушатели знают, какова же судьба ученого, разработавшего AD-1...

– Он работал ещё какое-то время в Зоне Р., но собственное создание принудило его покинуть Зону Разума. Сейчас он в Приюте Счастья.

...Щелчком пальцев Амия отключил прием, так как уже вплотную подошел к своему любимому бару «Эй-Ди – Сюда».

Хозяин радушно встретил приятеля и проводил того в комнату для особенных гостей, куда обычным Н-зонавцам путь был закрыт. Там уже сидели мужчина делового вида в виртуальных татуировках на щеках и усталого вида дама с малиновыми волосами, в облике которой было что-то, сразу понравившееся Амии. Очевидно, она и была той, что нашла его через секретный канал знакомого Амии.

...Одновременно с этим в Зоне Разума АмуК-4112 шел по темному малознакомому кварталу (впрочем, ничего не боясь, ибо Зона Р. – это не Зона Н.), чтобы оплатить

услуги видеотелефонной связи по секретному каналу, который не прослушивается С. К. З.

Осуществив платеж, Амур приложил идентификационную карту к терминалу секретной связи и ввел код, извлеченный из Дополнительной Памяти своего мозга. На экране видеотелефона, оглядываясь периодически по сторонам и зная, что ожидает его в случае обнаружения, Амур наблюдал троих людей. Они сидели в баре за много километров от Зоны Р.

Амур спросил себя, что же он делает здесь и как он докатился до такой жизни. Впрочем, ученый тут же вспомнил, что твердо решил уйти в Зону Н., и поэтому сейчас он не мог бы быть где-либо ещё.

...Агент Отпуска Факраз (имя, разумеется, не настоящее, потому что, назови Агент настоящее, он рисковал бы навлечь молекулярную аннигиляцию на всю гоп-компанию) произнес глухим басом:

– Итак, все «заговорщики» в сборе. Начнем. Точно ли вы, господа, решили покинуть свои Зоны? Не достаточно ли вам было бы недельки в Зонах Отдыха Зон Р. и Н., чтобы поменять судьбу всего лишь временно?

– Нет! – последовал почти синхронный одинаковый ответ от Н-зоновца и Р-зоновца.

– Хорошо, я рад этому. Для начала предлагаю выпить. Официант, всем AD-1 с томатным соком за мой счет! Раз вы решили твердо, спешу сообщить, что вам сказочно повезло! Как вам, безусловно, известно, никого просто так не отпус-

кают из Зоны в Зону. Но у вас есть я, Факраз. Кстати, представьтесь!

– Амия-402.

– Амука-4112, – чуть помедлил с ответом второй «заговорщик».

– Спасибо, что назвали настоящие имена. Они для меня не секрет, но, скрой вы их, не видать бы вам Зон и Р. и Н. соответственно, как своих Гормонов Души. О, да у вас ведь и имена похожи, только сейчас заметил! Это судьба!! Не упустите свой шанс! Всего за четыреста пятьдесят юванделий. А что за девушка с вами?

– Я – Амани-429, подруга Амука. Именно я нашла вам клиентуру.

– То есть, вы тоже из Зоны Р.? Впрочем, меньше будешь знать – дольше проживешь. Всё, молчу!

– Да, и из-за меня он переезжает сюда. Впрочем, вам и правда незачем это знать, так что избавлю вас от подробностей всей этой истории.

Сумма, которую требовал Агент, всех устроила. Ненадолго зоновцы замолчали и просто выпили, закрепив сделку. У Амука пока что не было AD-1, поэтому он выпил тонизатор, который был у него всегда с собой.

– Итак, Амука, завтра мой человек встретит вас у западной границы Зоны Р. в районе, координаты которого я скину вам по ментопочте. Через пробел в системе защиты Нейтральной Зоны автоматический бысролет перебросит вас сюда. Вам

и Амии поменяют Идентификаторы. Я получу свою плату и осуществлю переброску Амии. Есть вопросы? Нет? Что ж, думаю, если не осталось вопросов, то – до завтра!

...Амия вызвался проводить Амани до дома, проявив качества истинного джентльмена и так аргументировав свой поступок: «Здесь всё же не Зона Р.!»

За беседой о том и о сем на квартире Амани они решили выпить ещё по паре AD-1, что вылилось в ещё бóльшую интенсивность бесед.

Вдруг Амия обнаружил, что ему поздно возвращаться – телепортер уже закрыт. Амани позволила ему остаться. Но этим дело не ограничилось, всё переросло в спонтанный незапрограммированный акт любви.

Они удобно расположились на кровати. Пройдя через череду оральных ласк, они перепрыгнули на более тесный уровень телесного общения. Замельтешили перед глазами чужие глаза, нахлынули воспоминания детства. Незаметно подобрался логический и триумфальный финал. Затем – последний поцелуй. Отход ко сну...

А...

Амук (филолог, занимающийся в основном проблемами лексики древнебруснианской литературы) готовился в душе к изменению образа жизни и поэтому не мог уснуть этой ночью. Почитал что-то по истории. Просмотрел «Слоговые сонорные в праязыке планеты П» – неоконченную работу, которую писал.

В жизни Амур много путешествовал. Библиотека Луи-на, Шоссе Докторов Наук, Профессорово, Библиоград, аллея Хорошей Книги, Мюзикл Сити и другие улицы и города Зоны Р. очень много значили для него. И больше он никогда ничего из этого не увидит! Смириться было тяжело.

Встав с постели, Амур взял дневник, который вел на досуге. Туда же он записывал озарения, возникавшие по разным поводам в сознании, и даже в глубине души считал себя чуть ли не непризнанным гением. Называлось его творение «Над повседневностью прозы». Собственные старые мысли оживали в сознании: «Произведения разных авторов восходят к одному Божественному Бессознательному». «Лучше не только доказывать людям, что ты чего-то стоишь в этой жизни, но и убеждать их, что они сами чего-то стоят в ней». «Для человека, занимающегося творческой деятельностью, прекрасная сторона есть во всем». «Задача писателей – раскрывать то хорошее, что есть в человеке». «Как хорошо, что люди, потерявшие человеческий облик и язык, навсегда ушли из Зоны Р.; люди, е*аться-плеваться для которых было главным делом в жизни». «Берегись автоагрессии: только зло, направленное на тебя, ты способен ощутить в полной мере. Так не твори же зла!» «Поскольку я вас не знаю, вы для меня прекрасны!» «Только понимающий всю силу человеческого слова оценит роль филологии». «Главное – писать интересно, пусть не серьезно, лишь бы людям понравилось». «В ранней молодости я мечтал, что все люди исчезли с пла-

неты П, остались только мы вдвоем с Ней. Больше никого... Тогда я дал бы волю своей страсти, а Амани бы не посмела отказать ввиду отсутствия какой-либо конкуренции. Теперь же Амани исчезла из моей жизни, и среди всех остальных людей не найти никого более одинокого, чем я!».

Последняя запись касалась бывшей девушки ученого, которая ушла навсегда в Зону Н., ибо поняла, что ее всё достало, так как потеряло последние крупинцы смысла. Свет науки уже не согревал ее, а чем еще, кроме наркотиков, наполнить свою жизнь, она была не в состоянии придумать. Филологу нельзя стало общаться с ней. Амани обменялась местами с умирающей проституткой, которая хотела успеть поработать в науке перед своей смертью.

Наутро Амурк взял отпуск на работе, чтобы объяснить свое отсутствие.

Д...

Амурк с бутылкой «Амагеррто» в одной руке и сигаретой «Пурупи» в другой подошел к двери с надписью «Fight club». Он уловил суть дела довольно быстро, и вскоре стоял перед соперником, изображая злобу лица и бешено вращая белками глаз. И всё-таки Амурк так хорошо словил, что не смог сам добраться домой.

На следующий же день ударом по челюсти Амурк вырубил оппонента.

Однако вскоре ученый устал от удовольствий и ушел в С. К. З., издав перед этим книгу, ставшую бестселлером.

Однажды на задании в Зоне Н. Амуку стало плохо. Вскоре он умер от суперспида. Аmani умерла через год после этого от AD-1.

Амия работал в Зоне Р.: разрабатывал новое медицинское оборудование. Он сам открыл болезнь в себе, с которой ему было не выжить. Тогда он снова вернулся в Зону Н., где ушел в Прямой Удовлетворитель Либида. Оставшиеся два года просто дожил во сне.

Еще в то время, пока Амия был на обследовании в Зоне Р., выяснилось, что поразившая его болезнь оказалась вирусным последствием целого комплекса наркотических средств, своего рода неожиданным «приветом» из Зоны Н.

Более того, выяснилось, что сам препарат AD-1 постепенно претерпевает трансформации вследствие изменения некоторых биоактивных элементов, лежащих в его основе. «Болезнь Амий» поразила огромное количество жертв.

В результате этих эксцессов было принято решение об отмене Зон Наслаждения и Разума. Все запасы AD-1 были уничтожены.

...Молодой человек подошел к прилавку и шепотом спросил продавца:

– AD-2 есть?

– Конечно!»

...Опустошенный, но довольный написанным и собой, Витя позволил сознанию уплыть в мир сна.

Глава 9. Entering the Zoo

Время мерно отбивало такт, кралось 24-метровыми шагами вперед, напомнив вскоре, будто в прежних школьных сочинениях, о «счастливой поре очередных каникул». Перед тем, как отметить Новый год, друзья решили посетить Московский зоопарк. Фили с ними не было – сказал, что сейчас у него «дикая запарка – тут не до зоопарка». Из тех троих, кто пошел, никто не был в зоологическом парке с детства. Мысль поглазеть на менее разумных и поэтому более счастливых существ зрела давно, да всё было как-то недосуг. Или – не до сук. Хорошее настроение и солнечно-морозная погода обещали: время протикает не напрасно. Зимой меньше видов открыто для наблюдения, но тому, кто умеет смотреть, этого вполне хватит.

Они ходили меж клеток, подмечая мельчайшие нюансы и аллегории животного мира, равно как и людского, ведь люди в зоопарке – особая статья. Там неопытный парень не может в должной степени овладеть вниманием девушки, с которой пришел, и на челе явственно проступает досада. Здесь малыши лазят по памятнику. Пусть себе лазят, пока ещё – малыши. Недолго им лазить...

Поначалу парк оправдал все самые смелые ожидания: впечатлений была уйма. Друзья радовались, как дети. Но вот они дошли до павильона с ягуарами. Там разные уроды –

через одного – делали фотоснимки со вспышкой, несмотря на развешенные повсюду листы с просьбами этого не делать – чтобы не вредить нервам животных.

Виктор хотел было сделать замечание, но, увидев, что животные к вспышкам относятся спокойно – они спят или их это не волнует – передумал. Лишь появилось желание повесить на каждого посетителя зоопарка предостерегающую животных табличку: «Осторожно! Люди опасны!»

Да ладно бы ещё, если бы только дети вели себя шумно и неадекватно! Но ведь и взрослые – туда же! Животные же не могут не только защитить себя, но и оценить причиняемое им зло.

Валя и Сеня обсуждали *Panthera tigris tigris* (ver. alba) – цветовую вариацию бенгальского тигра, попросту white tiger. Посетителям пояснялось в листке на специальной дощечке, что в 1951-ом году индийский махараджа нашел на охоте тигренка, который стал первым представителем этой породы. Его назвали Мохан. Тигры белого цвета родились только от спаривания Мохана с одной из его же дочерей от рыжей самки, все белые тигры в мире сейчас – его потомки. В природном окружении особи такой окраски не выживают, гибнут. Могут жить только в искусственно созданной среде обитания. Витя размышлял: «Давно уже стало общим местом вести беседы о „тупости американцев“, противопоставляя им русских. Только, дорогие господа-товарищи, вы с вашими дешевыми сериалами и ток- и реалити-шоу, косящи-

ми под Запад, уже давно их не только догнали, но и опередить смогли, будто ниндзя-черепаха, подтверждающая апоорию Зенона через тысячелетия. Я говорю не про всех – всего лишь про абсолютное большинство... Люди-пустышки... Всё было не так когда-то. Вспомнить хотя бы Елену Трифоновну, земля ей пухом! – учила нас истории классе в пятом. Не только ведь хорошо и грамотно учила по своему предмету, но и рассказывала о жизни, учила ей... И – сравнить с тем, как истории на те же темы звучат сейчас...»

Какой-то пацан, подошедший к клетке с потомком Мохана, воскликнул по поводу тигра:

– Прикольный чел!

– Привезли тебя из твоей теплой Африки, бедного, – женщина средних лет, что стояла справа от Вали, поспешила продемонстрировать всем свое невежество в вопросах зоологии...

В помещении с медведями мрачные мысли были несколько рассеяны комичным бурым зверем, сидевшим в позе царя на троне и выставлявшим на всеобщее обозрение эрегированный член. Чем богаты, тем и рады. Мудведь, так сказать.

Впрочем, даже пенис медведя, удобно развалившегося на бревне, казался естественным, слитым с сущностью самого зверя, материей и идеей бревна и духом Природы.

Посмеявшись с друзьями над увиденным, Моисеев погрузился, как это у него часто случалось в последнее время, в раздумья, не сильно приуроченные к местности, в которой

он находился, и окружающим событиям: «Побывать во многих мирах, оставив в них свой след; взять всё лучшее и обогатить Вселенную новыми мирами – такова писательская задача. Ну и, разумеется, – стать совершенным орудием в руках Бога». Накануне он записал в ежедневнике: «Я хочу одного: переселиться в мир книг на постоянное жительство. Хочу, чтобы каждую секунду каждых 24-х часов каждых суток каждого месяца каждого оставшегося мне года мое сознание скользило только по волнам строк, бухтам страниц, морям книг. Только писать и читать. Только это. Я один из немногих, кто не посмеется над этим. Просто таков мой путь...»

...Очковый медведь полностью оправдал свое имя – он так и не показался. «Очканул!» – резюмировал Валек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.